

Илья КАБАНЧИК, Ганей-Авив

ГНЕЗДО НА КРЫШЕ

Эту историю рассказали мне старый еврей, которого спасли во время Шоа местные крестьяне, и старый украинец в селе, что возле Ковеля на Волыни

Стоит на окраине этого села покосившаяся избушка, неподалеку виднеются сеножат и густой лес. Ила до войны в этом доме еврейская семья молодоженов, которые ожидали рождение первенца. И осенью 41-го года родилась у них девочка. Родилась в то страшное время, когда новые хозяева села в кителях со свастикой и повязкой со словом "полиция" на рукавах стояли евреев в гетто и трудовые лагеря. А в селе пошли слухи о том, что всех евреев скоро уничтожат.

И молодые родители решают спрятаться в лесу...

Приближалась зима, все холоднее становились ночи, а потом и дни. Питалась семья ягодами и грибами, иногда лишь удавалось принести украдкой несколько картофелин из сельских огородов. От голода у молодой матери пропало молоко, кормить девочку было нечем, и она угасала на глазах.

И тогда отчаявшиеся родители решаются на тяжелейший шаг: на поле стояли еще колны сена и возле одной из них решили положить ребенка с надеждой, что кто-нибудь придет за сеном и заберет дочку. Обливаясь слезами, осторожно оглядываясь, несчастные родители вышли из леса, поцеловали малышку, помолвились, положили дитя возле стога и спрятались за кустами. Плач и крики бедного ребенка разрывали сердце матери, и отец, сам с трудом сдерживая слезы, еле удерживал ее в укрытии. Время шло неторопливо. Но вот из села появилась женщина и направилась к стогам. Она услышала плач и заторопилась к малютке. Казалось, пришло спасенье. Но чем ближе приближалась женщина, тем больший ужас охватывал измученных ожиданием родителей. Они узнали женщину. Брат и муж ее первыми поступили на службу в украинскую полицию, а брат даже стал в ней начальником. Между тем женщина подошла к ребенку. А за несколько шагов до нее кусала губы, чтобы не выдать себя криком, молодая мать...

Подойдя к стогу, женщина быстро подняла девочку на руки, оглянулась по сторонам и быстро зашагала в село, а истерзанные горем родители скрылись в лесу.

Женщина быстро добралась до своего дома, и вскоре ребенок, накормленный и умытый, тихонько посапывал во сне, не по-детски тяжело вздыхая.

Дом был пустой, муж пропал где-то далеко по своим полицейским делам, поженились они недавно и детей своих еще не имели. Но вечером проводить сестру неожиданно зашел брат-полицейский. Ситуацию он оценил мгновенно:

Да знаю я, чей это жидовский выродок. А мы их в лесах ищем. Все равно скоро найдём. А девочку завтра занесешь в комендатуру!

Напрасно сестра умоляла брата пожалеть крошку, напрасно на колени падала, просила разрешения оставить ребенка - полицейский был неумолим. Утром он сам подогнал к хате сестры подвод, заставил взять девочку и погнал коней к комендатуре. Но через несколько хат остановился:

Мне там появляться не стоит, расспрашивать начнут, вдруг заподозрят и меня обвинят в чем-то. Иди и скажи, что сама решила сдать жидовское дитя, которое случайно в лесу нашла, - приказал он и быстро отъехал. Сельская улица была безлюдной, и

Анна - так звали женщину - помчалась, прижимая к груди девочку, в сторону от комендатуры к лесу. Только ей известными, малозаметными тропинками добралась она к вечеру до небольшого хутора в лесу, где жила её дальняя родственница, одинокая пожилая женщина.

И началась в её стареньком домишке тревожная жизнь. Соседей не удивило, что к старушке вдруг заявлялась племянница с ребенком на руках - и не такое случалось в то страшное время. Власть на далекий заброшенный хутор не наведывались, но кто мог знать, что может случиться в любую минуту?

И две простые украинские женщины, постоянно смертельно рискуя, воспитывали еврейского ребенка. Назвали малышку Марией и, конечно, правду о ее настоящих родителях никому не открывали.

В 1944 году Волынь была освобождена, и Анна вернулась в родное село. Односельчан не удивила и девочка: Анна была замужем, хотя муж ее на службе у оккупантов спился и куда-то пропал. А брата-полицая судили и он отбыл 25-летнее наказание в далеких северных лагерях. Анна жила, как и все матери-одиночки, надрывалась на колхозной работе, отказывала себе во всем, чтобы вырастить свою-несвою кровиночку.

Проходили годы, Мария подросла, пошла в школу, чем могла, помогала матери. На стройную, красивую черноглазую девушку уже начинали заглядываться сельские парни.

И кто знает, как бы сложились судьбы матери и дочки, но однажды в их дверь постучали. Двое молодых людей были предельно вежливыми: "Здесь ли проживает гражданка Боярчук? Еще кто с вами живет? А родственники в Америке у вас имеются?"

У Анны стиснулось сердце - девочку ищут. Ее родители, слава Богу, живы. Мысли быстро пробегали в голове женщины - одно ее слово отказа и не будет никаких проблем. По всем документам Машенька ее законная дочь, да и полсела подтвердят ее слова. Сказать правду? Это значит, что Мария все уз-

нает и кто предскажет, как она себя поведет. А вежливые молодые люди "деликатно" подсказывали ответ: "Если никаких других документов и свидетелей нет, а вы отрицаете, то мы так и ответим и больше вас беспокоить не будем". Но, переборов себя, Анна сказала правду. Тем не менее, в далекую Америку сообщили, что никаких подтверждающих данных не имеется.

А ты, читатель, уже догадался, что в страшное военное лихолетье родители девочки выжили и после скитаний оказались в США. Фамилию женщины, подбравшую их ребенка, они знали и пытались выяснить ее судьбу. И, несмотря на отказы, снова и снова пытались получить разрешение на поездку в Украину. Об этом узнала и Анна. И тогда она пишет письмо в Москву, "Кремль, Н.С.Хрущеву". В письме говорится, что Маша для нее - вся жизнь, но великий грех не позволять увидеться родителям с дочерью.

В те времена заканчивалась "холодная война", немного потеплели международные отношения. Попало ли письмо к Хрущеву, неизвестно, но из Москвы пришло разрешение. Правда, приехать позволили американцам только в Киев и только на несколько дней, встретиться с ними можно было только в гостинице и обязательно в присутствии "представителя МИДа".

Мария вначале и слышать не хотела о поездке. "Ты у меня единственная мама, - решительно заявила девушка. -

Других мне не надо". Но все же Анна уговорила ее поехать.

Я только могу представить встречу моих героев в киевской гостинице. Я знаю только, что родители уговаривали Марию и Анну переехать к ним в Штаты. "Мы обеспеченные люди, - убеждали они. - Вы обе никогда ни в чем не будете нуждаться. Мария будет учиться, а вы, Аня, будете у нас самым дорогим человеком". Девушка стояла на своем. И тогда Анна сказала:

- Поезжай, дочка. А я уже стара для переезда, для непривычной жизни. Но мы будем приезжать друг к другу, мы ведь теперь одна семья.

На том и порешили.

Анна, действительно, несколько раз ездила в Америку, а Мария приезжала на Волынь. Потом она привозила сюда мужа и дочку - догадаетесь, как ее звали? Мария показывала им удивительно красивые эти места на северо-западе Украины. Там дремучие леса надежно хранят свои древние тайны, медленно струятся тихие реки и блестят среди камышовых зарослей зеркала озер с мягкой водой и песчаными берегами.

А потом уже дочка Марии привезла сюда ее внучку. Девушка училась в университете, собиралась стать журналисткой и написать книгу о спасении своей бабушки в страшные годы Шоа. Поэтому, до выхода книги, она просила сельчан не называть настоящих имен и фамилий. И меня предупредили, что в этом рассказе они вымышлены. В тех местах я уже давно не был, и осуществились ли эти планы, не знаю.

... Я слушал эту историю, сидя на крыльце хаты, в которой она происходила. После смерти Анны - да будет благословенна память о ней, - дом купил как раз мой собеседник. И старики, волнуясь, и перебивая друг друга, рассказывали мне об этих необычных судьбах.

Была ранняя осень и на поле собирались в дальнюю дорогу птицы. Вдруг один журавль отделился от стаи и подошел к нам. Он постоял возле старика-хозяина, что-то прокурлыкал как-то виновато и вернулся к стае.

- Гнездо у них здесь на крыше. Живет он там, - пояснил старик, а потом добавил: - Но полетел-то к своим.